

Н. К. БУЗЫНИНА, К. В. ВИНОГРАДОВ

ЛОРД КЕРЗОН

ПРОКОНСУЛ

29 декабря 1902 г. в яркий солнечный день древняя столица Индии Дели являла собой многокрасочное, впечатляющее зрелище. Начинался «большой дарбар» — празднества в честь коронации Эдуарда VII, английского монарха, императора Британской Индии. Из Красного форта загремели залпы «королевского салюта»; на прилегающую площадь парадным аллюром вступило несколько эскадронов драгун. 12 конных трубачей предшествовали эскورتу вице-короля Индии, только что прибывшего в Дели. Среди телохранителей выделялся отряд «императорских кадет» — отпрысков местной знати; они в белых туниках и светло-голубых тюрбанах, арабские скакуны юношей покрыты снежно-белыми шкурами леопардов. И вот, наконец, появилась фаланга огромных слонов. На одном из них под золотым балдахином восседал герой дня, инициатор и одновременно главное действующее лицо всего спектакля — лорд Керзон, генерал-губернатор (вице-король) Индии. Рядом с ним его супруга, дочь американского миллионера. Далее следовала процессия из 50 слонов; на каждом из них махараджа, щеголявший причудливым убранством животного, блеском драгоценных камней на чалме.

Описывая дарбар — это «драматическое видение империи», «The Times» отмечала заслуги вице-короля, «его желание править справедливо и беспристрастно»¹. Другой журналист, специально откомандированный в Дели, детально повествовал не только о параде, но и о последовавших балах, фейерверках, смотре ветеранов подавления «мятежа» 1857 г. Он восторгался «чудесной комбинацией восточной роскоши и великолепия с западной точностью организации и исполнения». Дарбар, утверждал он, свидетельствует о преданности населения Индии своему императору². Сходным образом откликнулись на коронационный (или как его еще называли — «кернациональный») дарбар и другие органы буржуазной прессы Британии.

Вся эта шумиха была призвана подкрепить притязания английских правящих кругов на незыблемость и прочность господства в Индии. Неприятные симптомы и явления, противоречащие официозной концепции, игнорировались или искажались. Между тем их можно было наблюдать даже во время делийского дарбара. Жена одного из офицеров многозначительно отметила: «Но почти не слышалось каких-либо возгласов, не говоря уже об одобрительных приветствиях»³.

Итак, «народ безмолствовал»? Заметил ли Керзон это настороженное, если не враждебное молчание своих «верноподданных». Скорее всего, нет. Серебряные трубы и залпы орудий, грузный шаг гигантских животных, десть приживальщиков и суета репортеров — все подкрепляло присущую Керзону самоуверенность. Ему несомненно удалось укрепить чувства лояльности среди знати — пусть раджи и шейхи считают и себя «столпами империи». Удалось продемонстрировать могущество и неисчерпаемость ресурсов «жемчужины британской короны», мощь ее вооруженных сил. «Величайшая се-

¹ «The Times», 1.I.1903.

² «The Times Weekly Edition», 2, 9.I.1903.

³ Ph. Woodruff. The Men Who Ruled India, vol. II. London, 1954, p. 202.

рия представлений, какую когда-либо видели в Азии», казалась ему вместе с тем и «наглядным проявлением единения и патриотизма»⁴. Да, дарбар нельзя не считать «вехой в истории». Пожалуй, стоит оглянуться назад, перебрать в памяти важнейшие события, мысленно подняться по тем ступенькам, какие вознесли его на авансцену имперской и мировой истории...

* * *

Джордж Натаниэл Керзон родился в 1859 г. Всю свою жизнь он похвалялся тем, что род Керзонов восходит к норманнским завоевателям, что один из его предков пал в V крестовом походе, а другой погиб при Ватерлоо. И хотя 20 поколений Керзонов так и не выдвинули каких-либо крупных деятелей, Джордж прочно усвоил сознание превосходства над «простыми смертными», в чьих жилах не текла «голубая кровь». Детские годы Керзон провел в поместье отца Кедлстон вблизи старинного городка Дерби. Отец Джорджа — барон Керзон — человек зажиточный, но скуповатый — интересовался лишь охотой и хозяйством. Своих многочисленных детей он передоверял гувернанткам и гувернерам. Поступив в привилегированную школу в Итоне, Джордж быстро завоевал репутацию самого прилежного ученика. Уже тут обнаружилось его страстное стремление занять первое положение, подкрепленное редкостной усидчивостью.

В Итоне Джордж сблизился с несколькими юношами из аристократических семей⁵. Все они после школы поступили в Оксфордский университет. Для Джорджа путь туда оказался нелегким — из-за нескольких неудачных падений у него произошло сильное искривление позвоночника. Преодолевая жестокие боли, каждодневно облачаясь в стальной корсет, он продолжал образование, поступив в оксфордский колледж Баллиол. Началась погоня за наградами за конкурсные сочинения. Джорджу было все равно — писать ли о Т. Море или императоре Юстиниане. Но почти в каждом случае он брал первые призы. Преуспел он и в ораторском искусстве, хотя слушатели отмечали поразительное многословие его речей. Всю жизнь Керзона преследовало сочиненное в оксфордские времена четверостишие — «наиважнейшей персоной» именуется он в нем. В самом деле, даже друзей поражало безграничное высокомерие и заносчивость Джорджа, нежелание считаться с чьими-либо интересами кроме собственных. Может быть, поэтому в один голос они и предсказывали ему быстрый политический взлет?

Но дебют Керзона-политика оказался плачевным. Выдвинутый кандидатом в депутаты нижней палаты в 1884 г. в округе, где значительную часть избирателей составляли горняки, он был забаллотирован. Через два года Джорджу подыскали «надежный» округ и он прошел в Вестминстер (от консервативной партии). В январе 1887 г. Керзон произнес первую речь в палате. «The Times» назвала ее «блестящей». Один из наблюдателей отметил, что молодой депутат выступил с видом человека, имеющего «неизмеримое превосходство» над окружающими.

Еще раньше Керзон занял пост помощника личного секретаря торийского лидера Солсбери. Во многом это ускорило продвижение молодого парламентария, тем более, что он получил доступ и в семейный круг всемогущего маркиза. В 1891 г. Керзон на короткое время становится парламентским заместителем министра по делам Индии. А в 1895 г. Солсбери делает его своим заместителем по министерству иностранных дел. Путь к вершинам политической власти можно было считать открытым.

Взгляды Керзона формировались еще в кружке «золотой молодежи». Джордж и его приятели ни на минуту не сомневались в своем призвании повелевать «низшим сословием» метрополии и «грязными варварами», обитавшими в империи. Они высмеивали идею эмансипации женщин. Сохранились рассказы и об их исключительной жестокости к животным. В конце XIX в. английская аристократическая верхушка все теснее смыкалась с набравшим силу бизнесом. Молодой Керзон завязал немало полезных знакомств среди финансистов и коммерсантов. Его связи с денежными тузами укрепились после женитьбы на Мэри Лейтер, дочери богача из США.

⁴ «Lord Curzon in India». Ed. by Th. Raleigh. London, 1906, p. 309; S. Gopal. British Policy in India. Oxford, 1965, p. 252.

⁵ Среди них отметим Дж. Бродрика, сыгравшего через 30 лет «роковую» роль в карьере Керзона.

С 70-х гг. Джордж совершал одно заграничное путешествие за другим. Он, например, проделал путь по только что открытой железнодорожной магистрали от Каспийского моря до Самарканда, а оттуда на тарантасе до Ташкента. Итогом странствий Керзона явилось множество статей в газетах и журналах, несколько солидных по объему книги и репутация ученого-путешественника. Академическим опусом об Иране считался, например, его двухтомный труд (более 500 тыс. слов!) «*Persia and the Persian Question*». В нем содержалось немало любопытных наблюдений, статистических сведений⁶. Однако все это обесценивалось высокомерным презрением к народу Ирана. Автор явно недооценивал способность иранского народа защищать свою самостоятельность, проявившуюся уже в 90-е гг. XIX в.⁷

Побывав в России, Керзон написал об открытом характере и «величайшей вежливости народа, от высшего должностного лица до смиреннейшего мужика», он констатировал среди русских «дружелюбие к англичанам»⁸. Беспристрастие изменило лорду, как только он коснулся жгучей проблемы того периода — англо-русского соперничества в Азии. Здесь он не жалел бранных слов в адрес России.

Самовлюбленный и тщеславный, Керзон еще в 80-е гг. поставил перед собой цель сделаться министром иностранных дел и премьером. После нескольких посещений Индии честолюбие Керзона направляется по иному руслу. С юношеских лет его воображение, как магнит, притягивала Азия. «Сила и могущество Британии на Востоке изумляют», — писал он отцу из Сингапура. «Сила и богатство, происходящие от ее азиатской позиции», — добавлял Керзон в 1894 г., — являются фундаментом Британской империи⁹. Пост вице-короля Индии — вот задача № 1! Он часто выступает по проблемам, связанным с этой колонией; «безопасность Индии должна быть главной целью нашей политики» — повторяет Керзон¹⁰.

В апреле 1897 г. Керзон довольно бесцеремонно пишет Солсбери о своих претензиях на пост вице-короля¹¹. Явное русофобство и агрессивность натуры молодого политика несколько смущали премьера. Но летом 1898 г. он капитулировал. В августе пресса оповестила о новом назначении. Барону Керзону в это время еще не исполнилось и 40 лет.

* * *

Присущую Керзону «одержимость» Индией не трудно понять, если мы вспомним о той роли, какую она играла в Британской империи. Британская Индия была очень емким рынком сбыта для английских изделий; около 1/8 заморских инвестиций метрополии было размещено здесь в конце XIX в. Ежегодно десятки миллионов фунтов стерлингов, полученных за счет эксплуатации сырья и дешевого труда народов Индии, перекачивались в Англию. На их средства содержалась значительная армия — сильное орудие в руках империалистов.

В Индии постоянно проживало несколько десятков тысяч «циvilных» англичан. Как гигантская пиявка, присосалась к израненному телу страны «индийская гражданская служба». Ее чиновники «съедали» свыше половины бюджетных ассигнований¹². «Презирая и ненавидя страну и народ», немало европейцев, по отзыву современников,

⁶ Правда, позже, даже расположенные к Керзону публицисты обнаружили в его сочинении серьезные фактические неточности и ошибочные прогнозы. — См., например, Н. J. W i g h a m. *The Persian Problem*. London, 1903, p. 273—279, 374.

⁷ См. Л. М. К у л а г и н а. Борьба народных масс Ирана против иностранных концессий и монополий (конец XIX в.). — «Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока». М., 1972.

⁸ G. N. C u r z o n. *Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question*. London, 1889, p. 20, 21, 25—26.

⁹ K. R o s e. *Superior Person*. London, 1969, p. 202; G. C u r z o n. *Problems of the Far East*. London, 1894, p. 419.

¹⁰ Г. Керзон. Индия между двумя огнями. — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии». Вып. IV. СПб., 1893, стр. 189.

¹¹ K. R o s e. *Op. cit.*, p. 322—323.

¹² Первыми в списке, характеризующем эту «вакханалию окладов», значился вице-король — 16,5 тыс. ф. ст. причиталось ему в год. Больше чем премьер-министру Британии!

«считало месяцы и даже дни до возвращения» на родину¹³. Туда они отбывали *закяточными* людьми на пенсию, которая им выплачивалась за счет той же «индийской» казны. Народы субконтинента содержали и весь штат лондонского министерства по делам Индии. Один лишь лорд Гамильтон, будучи министром, поглотил, как подсчитали, годовой доход 90 тыс. обитателей Индии¹⁴.

Сытому миру обнаглевших эксплуататоров противопоставлялась многомиллионная масса обездоленных «туземцев». «От рождения до смерти... труд, труд, труд; голод, голод, голод; болезни, страдания, горе; вот, увы, лейтмотив их недолгого и печального существования», — писал А. Юм, один из основателей Национального Конгресса¹⁵.

Империалистическая эпоха несла с собой новые тяготы народам Индии. «Мы обладаем континентом необъятных и до сих пор почти не изученных естественных ресурсов... со старательным и благонравным населением», — говорил Керзон¹⁶. Твердые британского владычества, Индия вместе с тем являлась превосходной стартовой площадкой для дальнейших английских захватов. Завершив завоевание Бирмы, империалисты особенное внимание уделили северо-западному направлению экспансии. Их манили ископаемые богатства и стратегическое положение Ирана, Месопотамии, стран Персидского залива... «Индийская» или «средневосточная» группировка британской буржуазии вдохновляла «политику продвижения» (*forwards policy*), давно уже выдвигавшуюся и милитаристами¹⁷. Предлог для новых актов агрессии оставался прежним — пресловутая забота о «защите Индии»¹⁸.

Подобно ряду других политиков, Керзон был тесно связан с капиталистами, заправлявшими делами на Среднем Востоке, состоял одним из директоров корпорации по добыче ископаемых в Иране, поддерживал предприятия Рейтера, Линча и Д'Арси. Разумеется, сам барон свысока взирал на бизнесменов с их корыстными вожделениями. Он, Керзон, призван решать судьбы Индии и всей империи! С другой стороны, Керзон как лидер весьма устраивал стоявших за сценой дельцов. Ведь он слывет знатоком в некоторых областях, имеет отличные контакты в высших кругах. Он непреклонно отстаивает приоритет активной политики в Западной и Центральной Азии. Даже в ущерб интересам других фракций британского капитала!

* * *

В декабре 1898 г. новый вице-король Индии отплыл из Англии. 3 января 1899 г. на балу в Калькутте новому генерал-губернатору представили верхушку чиновничества и местной знати. 6 января лорд официально «принял дела». В первые месяцы Керзон тщательно ознакомился с аппаратом управления, а затем предпринял продолжительные турне по стране. Повсюду вице-королю устраивают торжественные встречи. Повсюду Керзон произносит высокопарные речи, «отечески» беседует с принципами. Ему нравятся обстановка подобострастного почтения, он снисходит до участия в «королевских охотах», уничтожает одного тигра за другим. Но главное — политика, управление субконтинентом. Из Индии Керзон писал, что «не покладая рук» трудится «целый день и значительную часть ночи». Так и не научившись использовать секретарей и стенографисток, без усталости строчил вице-король пространные депеши, аккуратно отвечал многочисленным корреспондентам. «Нехорошо доверять кому-либо свое дело. Сделайте все сами», — повторял он. Керзон входил в мельчайшие детали управления; стал, как говорили, непременным членом каждого департамента. Он лично сочинил устав вновь образованной Северо-Западной провинции (250 тыс. слов), написал целый

¹³ W. J. Wilkins. *Daily Life and Work in India*. London, 1888, p. 51.

¹⁴ А. Е. Снесарев. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906, стр. 99.

¹⁵ Ph. Woodruff. *Op. cit.*, vol. II, p. 175—176.

¹⁶ «Lord Curzon in India», p. 273.

¹⁷ Образовалась своего рода «лобб», систематически давившее на кабинет. — См. подробнее: Г. Л. Бондаревский. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива, ч. I. гл. 2. М., 1968.

¹⁸ О вымышленности этого домысла красноречиво говорил консервативный деятель Бальфур: «Каждый раз, как я участвую в дискуссии... я обнаруживаю наличие новой сферы, которую мы взялись оборонять и которая будто бы прикрывает подступы к Индии. Эти подступы отодвигаются все дальше и дальше от Индии». — R. Ullman. *Anglo-Soviet Relations 1917—1921*, vol. 2. Princeton, 1968, p. 72.

трактат о мерах по предотвращению голода, изданный в качестве правительственного документа.

Керзон полагал, что его предшественники слишком «распустили вожжи». Выступившая в большом зале вице-королевского дворца выступления членов «Совета при генерал-губернаторе» и других чиновников, Керзон быстро убедился в полной некомпетентности большинства из них. Они даже не в состоянии вразумительно изложить суть вопроса! Впрочем, нелегко было понять ее и из пухлых докладных записок. Инертная каста приверженцев «бюрократического круговорота» встречала в штыки его собственные проекты. Ничего нельзя сделать меньше, чем за 6 месяцев, говорил Керзон. «Когда я предлагаю 6 недель, то вижу только болезненное удивление, если 6 дней — патетический протест, если 6 часов — изумленный отказ»¹⁹.

Керзон вскоре обуздал ворчавшую оппозицию, упорядочил механизм управления. Правда, сам вице-король воспитывался в духе почтения к бумажным отчетам. Поэтому, сокращая одной рукой количество докладов, он одновременно содействовал появлению новых звеньев в бюрократическом аппарате и груды дополнительных рекомендаций и выкладок. Время правления Керзона называли «периодом комиссий», в них он видел панацею от всех бед. Большинство из этих комиссий работали годами, но никаких последствий (даже в узкой административной сфере) не оставили.

Довольно быстро справился вице-король с другой задачей — ограничил «самовластие» губернаторов провинций. Заставив подать в отставку недовольных, он уже к 1900 г. сосредоточил все нити управления в своих руках. Только генерал-губернатор, писал Керзон в Лондон, «олицетворяет правительство», его «доминирующее влияние» сильнее, чем у любого премьер-министра в Англии²⁰. Усилия Керзона дали свои плоды. Как констатировал французский наблюдатель, «генерал-губернатор стал лицом с чрезвычайно огромным влиянием. В этом деспотическом режиме он сам является деспотом». А «остальные члены индийского правительства... играют роль его подчиненных»²¹.

Девизом Керзона стало: «эффективность». Прежде всего вице-король добивался создания наиболее благоприятных условий для хозяйничанья английского капитала. Все будет сделано, говорил он, для того, чтобы «администрацию не упрекали в медлительности или безразличии к коммерческому развитию страны»; мы готовы «быстро и с симпатией» реагировать на «любые разумные требования» торгово-промышленных кругов²².

В начале XX в. эксплуатация Индии вступила в новую фазу, усилились расхищения ее ресурсов. Администрация стимулировала приток инвестиций из Англии, гарантируя их полную «безопасность». 6 тыс. миль железных дорог, построенных при Керзоне, облегчили внедрение английского капитала в глубинные зоны страны. Реформы в таможенном деле, в управлении путями сообщения, в деле вербовки на шахты подневольных рабочих также отвечали интересам буржуазии²³. Не случайно в обращении к вице-королю представители торговой палаты Бомбея в 1905 г. заявляли, что он «ликвидировал барьер», ранее тормозивший деятельность коммерсантов и предпринимателей. Теплыми напутствиями проводили выходявшего в отставку вице-короля и другие представители деловых кругов²⁴.

Современный апологет Керзона Д. Дилкс утверждает, что вице-король всячески заботился о благосостоянии Индии²⁵. Но действительность была совершенно иной. Пожалуй, самым страшным обвинением против английских сахибов являлись систематические голодовки и эпидемии, уносившие миллионы жизней. Рубеж двух веков

¹⁹ Earl of Ronaldshay. The Life of Lord Curzon, vol. II. London, 1928, p. 27.

²⁰ «The Evolution of India and Pakistan 1858 to 1947. Select Documents». London, 1962, pt. I, «A» № 23.

²¹ Ж. Шейэ. Современная Индия, ч. 2. СПб., 1913, стр. 226.

²² «Lord Curzon in India», p. 273—277.

²³ «Lord Curzon in India», Introduction, p. XXIX—XXX.

²⁴ Ibid., p. XXXI; P. E. Roberts. History of British India under the Company and the Crown. Oxford, 1952, p. 316.

²⁵ Заслуги Керзона в охране памятников индийской старины — вот чуть ли не единственный пример, постоянно переходящий из одной английской книги в другую. Действительно, под влиянием жены, очарованной Тадж Махалом, вице-король создал департамент археологии, распорядился о реставрации некоторых зданий. Но соответствующие ассигнования были незначительны. Куда больше средств ушло на

оказался особенно трагическим. Так, с 1896 г. по 1903 г. от чумы погибло более 8 млн. Голод 1895—1897 гг. официально называли «самым ужасным в истории Индии». Однако все рекорды побил голод 1899—1900 гг. Калькутская «The Statesman» отмечала, что с 1896 по 1900 г. от голода скончалось 19 млн. человек. В Лондоне даже депутаты призывали оказать помощь голодающим. С чудовищным цинизмом им отвечал лидер палаты Бальфур: в дотациях, говорил он, нет «финансовой необходимости». Керзон также выступил против «филантропии». Вместе с тем он, естественно, выпячивал принятые по ликвидации последствий голода мероприятия, большинство которых были лишь паллиативами. Керзон доказывал, что главное средство избежать голод заключается в увеличении эмиграции «избыточного» населения... Эти жалкие оправдания и рецепты наглядно показывали истинную цену мнимой заботы администрации о нуждах народа.

С немалым «административным восторгом» отдавался Керзон укреплению британских позиций внутри Индии. Но куда больше привлекали его «имперские» проблемы. «Я пытался навязать лондонскому правительству свою политику по отношению Персии, Персидского залива, Месопотамии и наших интересов в целом», — признавался он²⁶. Еще в 1898 г. Керзон начал твердить об интригах России в Персидском заливе и предложил установить протекторат над Кувейтом, добившись права «посылать туда канонерки»²⁷.

В январе 1899 г. подручный Керзона полковник Мид заставил шейха Кувейта подписать невыгодную сделку. Вскоре без консультации с Лондоном, послав военные суда в Персидский залив, Керзон вынудил султана Маската аннулировать соглашение о предоставлении угольной станции Франции. Самоуправство Керзона взбесило Солсбери, который занимался тогда урегулированием споров с Францией и готовил агрессию в Южной Африке. Премьер прочел нотацию Керзону: зачем же исходить из одних «индийских» интересов и амбиций? Важнее «довести наши африканские переговоры до пристойного завершения»²⁸. Но выговор не уменьшил рвения вице-короля.

В посланиях Гамильтону и премьеру Керзон постоянно напоминал, что пора превратить Персидский залив в «британское озеро». Нельзя допустить, чтобы «какая-либо европейская держава, и особенно Россия», добилась преобладания в Центральной и Южной Персии. Этот свой тезис Керзон предложил считать «кардинальной аксиомой британской политики»²⁹.

Начавшаяся война с бурами потребовала напряжения всех сил Великобритании. Войска из Индии были отправлены в Наталь, а потом на подавление национальных движений в Китае и Сомали. В частных письмах Гамильтон уныло сетовал: Англия изолирована! «Вся Ваша политика и идеи... основываются на предположении о том, что в некоторых случаях мы должны употребить силу». Нет! Сейчас рисковать войной с Россией невозможно³⁰. Керзон с горечью отмечал, что в Лондоне «не хотят и слышать» о рекомендованном им курсе³¹. Но он не успокаивался, старался подорвать позиции «недальновидного» Солсбери. Единомышленники Керзона внутри кабинета также осуждали «осторожность и медлительность» во внешнеполитических вопросах³². И в конце 1900 г. Солсбери был вынужден уступить пост министра иностранных дел Ленсдауну, личному другу Керзона.

Летом 1901 г. Керзон посоветовал «со всей серьезностью» заявить в Тегеране: если Иран и впредь будет идти на уступки России, Англия оставит за собой право «компен-

описанный выше делийский дарбар. Добавим, что с 1906 г. в Калькутте стали сооружать громоздкий и нелепый «мемориал Виктории», задуманный Керзоном как прижизненный «памятник себе». Вокруг «императрицы Индии» воздвигли статуи генерал-губернаторов, среди которых мраморный Керзон занял самое видное место. «Нет сомнений, кто, в его понимании, был величайшим проконсулом королевы в Индии», — замечает индийский историк С. Гопал. — S. G o p a l. Op. cit., p. 259.

²⁶ Curzon to Mrs. Craigie, 8.I.1900. National Archives of India, Delhi (далее — NAI), Curzon MSS.

²⁷ J. B. K e l l y. Salisbury, Curzon and the Kuwait Agreement of 1899. Studies in International History. London, 1967, p. 263—271.

²⁸ Salisbury to Curzon, 21.IV.1899. NAI, Curzon MSS.

²⁹ «Britisch Documents on the Origins of the World War 1898—1914», vol. IV, № 319.

³⁰ Hamilton to Curzon, 2.XI.1899. NAI, Hamilton MSS.

³¹ Curzon to Mrs. Craigie, 8.I.1900. NAI, Curzon MSS.

³² G. M o n g e r. The End of Isolation. London, 1963, p. 19.

сировать себя тем способом, какой сочтет наилучшим»³³. Ленсдаун воспринял точку зрения Керзона (и даже терминологию!) о выгодах тактики угроз и «свободы рук». В начале 1902 г. лондонское правительство предприняло соответствующий демарш в Тегеране, затем последовало «предостережение» шаху, посетившему Англию.

С. Гопал и другие историки называют эти шаги победой взглядов Керзона. Нам представляется, однако, что в первую очередь сказался перелом в ходе войны в Южной Африке, последующая капитуляция буров и заключение союза с Японией. Именно улучшение международного положения Англии позволило ее руководителям санкционировать «политику продвижения».

Те же факторы предопределили отношения Великобритании с Афганистаном и Тибетом, подчинение которых Керзон также считал весьма желательным. Англо-афганские отношения регулировались несколькими соглашениями, ставившими Афганистан в известную зависимость от британских властей в Индии. Но в то время как Керзон стремился усилить эту зависимость, в Кабуле укреплялась противоположная тенденция. По мнению вице-короля, эмир Абдурахман намеревался превратить Афганистан «в независимую военную державу, способную на равных разговаривать» с другими³⁴. Не получив одобрения кабинета на предъявление каких-либо ультимативных требований эмиру, Керзон в 1900—1901 гг. занялся передислокацией британских сил на северо-западной границе. Здесь колонизаторы десятилетиями сталкивались с сопротивлением вольнолюбивых и воинственных горцев³⁵. По подсчету Керзона, только из Пенджаба за вторую половину XIX в. отправились не менее 40 карательных экспедиций. Заняв важнейшие перевалы, англичане основали ряд фортов, 10 тыс. отборных войск охраняло эти рубежи. Вице-король и его генералы признали целесообразным отвести назад часть сил с наиболее выдвинутых позиций. В то же время к границе подтягивались новые соединения, было ускорено сооружение стратегических дорог³⁶. Создание отдельной Северо-Западной провинции, непосредственно подчиненной Калькутте, также облегчило подготовку перехода к актам прямой агрессии³⁷.

С лета 1902 г., воспользовавшись переменой политического климата в Лондоне, Керзон возобновил давление на Кабул, где у власти уже находился новый эмир Хабибулла. Если мы «не накажем эмира, — писал Керзон, — нам лучше всего прикрыть лавочку»³⁸. В конце этого года вице-король навязал Афганистану и Ирану свой арбитраж в пограничном споре. Многолюдная миссия майора Мак-Мэхона в январе 1903 г. вступила в пределы Сеистана.

Уже в 1899—1900 гг. Керзон наметил тактику провоцирования конфликтов и на границе с Тибетом. «С тибетцами ничего не поделать, пока их не запугать», — писал он Гамильтону³⁹. Несколько раз вице-король ссылался на проникновение России в Тибет и позицию далай-ламы, не отвечавшего на его послания. Достоверных доказательств он, конечно, привести не мог, и в Лондоне отлично разобрались в том, что «русская угроза» здесь еще менее реальна, чем в Персидском заливе. Керзон развивал далеко идущие планы переходов от демонстрации силы к ее употреблению. Это не что иное, как «вторжение в Тибет» с целью «подписания договора в Лхассе», уточнял Гамильтон. Но сейчас для этого просто не хватает войск⁴⁰. Холодный душ из Лондона не ути-

³³ Ibid., p. 51.

³⁴ Curzon to Hamilton, 22.XI.1899. NAI, Hamilton MSS.

³⁵ Один из вице-королей Индии лорд Минто говорил о них: «Дружественный туземец — это тот, кто стреляет в вас лишь по ночам, в то время как враждебный — стреляет и днем».

³⁶ Е. Л. Штейнберг. История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951, стр. 148—152.

³⁷ Ряд английских историков утверждают, что Керзон сумел радикально «оздоровить обстановку» на границе. Однако и при нем террор по отношению к «непокорным» племенам продолжался. Так, в Вазиристане машхуды потеряли около 30 убитыми и 250 ранеными, лишились большого числа скота и другого имущества. — Papers Relating to Mahsud-Waziri Operations. Cd. 1177. London, 1902, p. 285—286. Призрачность «пассификации» стала очевидной в 1908 г., когда милитаристы возобновили крупные карательные экспедиции. Колонизаторам, отмечает исследователь вопроса К. Дэвис, грозило тогда общее восстание племен. — C. Davies. The Problem of the North-West Frontier 1890—1908. Cambridge, 1939, p. 152.

³⁸ Curzon to Hamilton, 27.XI.1902. NAI, Hamilton MSS.

³⁹ P. Mehra. The Younghusband Expedition. New Delhi, 1968, p. 121.

⁴⁰ Hamilton to Curzon, 11.VII.1901. NAI, Hamilton MSS.

хомирил Керзона. Он предлагает несколько вариантов «решения» тибетского вопроса⁴¹. Один из них предусматривал отставку в Тибет «миссии для ведения переговоров о новом договоре»; о ней Керзон собирался просто «информировать» Лхассу и Пекин⁴². В Калькутте к началу 1903 г. удостоверились, что на сей раз английское правительство не станет чинить препятствий.

Итак, к моменту организации дарбара Керзон как будто бы преодолел «пассивность» лондонского руководства. Вполне удовлетворительным представлялось ему и положение внутри Индии. Письма вице-короля переполнились хвастливыми сентенциями, начинавшимися со слов «я добился», «я совершил». Только он, Керзон справляется с трудностями. Но «вся машина может развалиться», если окажется в руках «слабых» вице-королей⁴³. В 1903 г. Керзон уже нацелился на то, чтобы продлить срок пребывания в Индии еще на 5 лет. Как обычно, он шел напролом, беззастенчиво рекламируя свои заслуги.

Иным британским политикам начала XX в. Керзон казался опасным соперником — пусть уж он лучше подольше останется в своем «тропическом раю»⁴⁴. Новый британский премьер Бальфур одним из первых пришел к другому мнению. Пожалуй, Керзон с его прямолинейностью и манерой величия отнюдь не лучшая фигура на столь ответственном посту. Однако возвращение Керзона в ореоле динамичного лидера, видимо, не устраивало и его. Приходилось считаться и с требованиями влиятельных бизнесменов и буржуазной общественностью. Не без колебаний Бальфур согласился оставить Керзона в Индии на второй срок.

Керзон игнорировал мрачные прогнозы нескольких близких друзей, советовавших ему покинуть Индию. Он пренебрег даже ухудшением здоровья жены, которая так и не смогла акклиматизироваться в Индии. Ему казалось, что все идет как по маслу. Новый министр по делам Индии Бродрик писал льстивые письма, выражал готовность быть его «послом при Сеп-Джеймском дворе». Ленсдаун выступил в мае 1903 г. с громкой декларацией об особых правах Британии в Персидском заливе (Керзон с удовлетворением назвал ее разновидностью доктрины Монро). Затем вице-королю разрешили совершить демонстративный вояж по Персидскому заливу, идею которого он давно вынашивал. Хотя не все прошло гладко во время этого плаванья эскадры Керзона, последний счел его триумфальным. А Бродрик заявил, что отныне Персидский залив превращается в «море Керзона»⁴⁵.

Вовлечение России в 1904 г. в конфликт на Дальнем Востоке придало еще больше прыти британским джингоистам. Давление на сопредельные с Индией страны росло. Правительство Ирана вынуждено было принять условия займа, предложенные английской стороной. Иранский Сеистан миссия Мак-Мэхона стала превращать в очередной заповедник колониализма⁴⁶.

В конце 1903 г. Керзон убедился, что кабинет не будет препятствовать агрессии в Тибете при условии, что вторжение будет быстрым и успешным⁴⁷. Хорошо подготовленная экспедиция, во главе которой вице-король поставил своего любимца Янгхэсбенда, начала поход на Лхассу. Керзон готовился обрушиться и на Афганистан. Он твердо верил, что настало время великих решений.

* * *

Биографы Керзона спорят о причинах, приведших к его падению в 1905 г. Пожалуй, одна из важнейших состояла в непонимании начавшегося пробуждения народов

⁴¹ Curzon to Hamilton, 13.XI.1902, 8.I.1903. NAI, Hamilton MSS.

⁴² Curzon to Hamilton, 13.XI.1902. NAI, Hamilton MSS.

⁴³ D. J u d d. Balfour and the British Empire. London, 1968, p. 230, 235.

⁴⁴ D. D i l k s. Curzon in India, vol. I. London, 1969, p. 234—235.

⁴⁵ S. G o p a l. Op. cit., p. 230—231.

⁴⁶ См. И. Н и з а м у т д и н о в. «Сеистанский вопрос». Из истории вмешательства Англии в ирано-афганские дела. — «Ученые записки» Ташкентского пединститута. Вып. 14, ч. 2., Исторический, 1958, стр. 52—59.

⁴⁷ Д. Джадд утверждает, что в тибетских делах администрация Керзона «водила британское правительство за нос». — D. J u d d. Op. cit., p. 241. На самом деле Лондон все время был в курсе его действий и намерений. «Джордж собирается... добраться до Лхассы», — писал Бродрик премьеру. Тот в свою очередь сообщал королю, что «миссию» будет сопровождать «сильный военный эскорт» и что у Керзона имеются планы территориальной экспансии. — D. D i l k s. Op. cit., vol. II, p. 77, 81—83.

Азии. Лишь изредка в его письмах встречались трезвые суждения на сей счет. Он даже задавал сакраментальный вопрос: «А будем ли мы через 100 лет все еще править Индией?»⁴⁸. Не обращая внимания на симптомы приближающейся революционной бури, вице-король отодвигал, однако, страшившую его расплату на отдаленное будущее. Ведь, по его мнению, «политически индийский народ... еще в колыбели»⁴⁹.

Керзон полагал необходимым усилить судебно-полицейские репрессии против «бунтарей». Главная цель проведенной при нем реформы полиции заключалась в ее модернизации и предотвращении «политических» выступлений. Весьма опасным вице-король считал «просачивание» коренных жителей Индии на государственные посты. «Это величайшая угроза, с которой встречается наша администрация», — писал он⁵⁰. По его указанию доступ индийцев в государственный аппарат был ограничен; сократилось и число «туземцев», получавших высшее образование.

Очагом «экстремистов и агитаторов» вице-король считал Бенгал. Еще в 1899 г. он провел реорганизацию муниципалитета Калькутты, увеличив число назначаемых его членов (в пользу английских буржуа). В декабре 1903 г. печать оповестила о предстоящем создании новой провинции — Восточный Бенгал и Ассам. Раздел Бенгала мотивировался трудностями управления обширной и перенаселенной провинцией, но важнейшая задача, по словам одного из чиновников, состояла в том, чтобы «раздробить и таким образом ослабить солидную массу противников нашего правления»⁵¹. Этот шаг колонизаторов следовало понимать и как новое звено «систематического ослабления освободительной борьбы путем натравливания мусульман на индийцев»⁵².

Просчет Керзона стал очевиден уже летом 1905 г. Раздел Бенгала послужил катализатором взрыва национально-освободительной борьбы, охватившей всю Индию. И хотя при Керзоне прокатились только первые раскаты грома, они глубоко встревожили лондонских руководителей. Бродрик и его коллеги начали прислушиваться к усиливавшейся в самой Англии критике методов Керзона. Укрепилось убеждение Бальфура в непригодности Керзона в обстановке, когда могут потребоваться срочные маневры и уступки. Интуиция подсказывала премьеру, что начавшаяся революция в России отзовется могучим эхом в Азии. Вероятно, права либеральная «Daily News», заявлявшая, что теперь в Индии нужен «эластичный» деятель.

Еще большие расхождения выявились между Лондоном и Калькуттой по вопросу о политике на границах Индии и перспективах отношений с конкурирующими державами. Керзон собирался разговаривать со странами Востока и с Россией только «с позиции силы». Однако даже «архаичные народы», «дикари», как Керзон именовал жителей Тибета и Афганистана, оказывали ожесточенное сопротивление империалистам. Вице-король предрекал, что его отряды без выстрела за два месяца овладеют Лхассой⁵³. Жизнь опровергла эту похвальбу. Не считаясь с потерями, немногочисленные тибетские войска нанесли немало ударов по корпусу Янгхэбенда. Огнем и мечом интервенты в конце концов проложили себе дорогу к Лхассе и продиктовали там кабальный договор. И вот тут-то министры в Лондоне, первоначально восторгавшиеся подвигами бандитов Керзона⁵⁴, совершили поворот — последовали официальные заявления о том, что Янгхэбенд (в сговоре с Керзоном) превысил свои полномочия⁵⁵. Условия договора были несколько смягчены. В «Синей книге» о Тибете, опубликованной в 1905 г., ответственность за авантюру возлагалась на администрацию Керзона.

Не меньший провал постиг вице-короля и в афганских делах. Он добивался контроля над афганской армией и строительством укреплений на русской границе, новых таможенных льгот и др. Несколько раз Керзон приглашал Хабибуллу прибыть в Индию для личных переговоров. Но эмир уклонялся, справедливо считая, что такая встреча не

⁴⁸ D. D i l k s. Op. cit., vol. I, p. 230.

⁴⁹ Ibid., p. 255.

⁵⁰ «The Evolution of India and Pakistan...», pt. III, «D» № 19.

⁵¹ S. G o r a l. Op. cit., p. 270.

⁵² Б. В а г т с. Интриги против Индии. М., 1971, стр. 42.

⁵³ P. M e h r a. Op. cit., p. 145—147.

⁵⁴ Бродрик, например, выражал мнение кабинета так: «Сам по себе поход британских войск на Лхассу и уничтожение по пути большого числа тибетцев должны... утвердить наши притязания и показать нашу силу». — D. D i l k s. Op. cit., vol. II, p. 91.

⁵⁵ См. В. П. Л е о н т ь е в. Иностранная экспансия в Тибете. М., 1956, стр. 109.

сулит ему ничего доброго. Упорство Афганистана содействовало подрыву авторитета Керзона. Тщетно предлагал он припугнуть эмира и подготовиться к оккупации Кандагара. Кабинет предпочел послать особую миссию, которую Хабибулла вынужден был принять в Кабуле в конце 1904 г. На новой стадии англо-афганских отношений вице-короля Индии оттеснили с первых ролей. Лондон отклонил рекомендованную им кандидатуру руководителя миссии и последующие лихорадочные требования стукнуть в Кабуле кулаком. Здесь сочли за благо пойти на компромиссное соглашение, подписанное в марте 1905 г.

Керзон в бешенстве кричал, что подаст в отставку; он называл «продиктованное эмиром» соглашение поражением британского правительства. На деле же оно означало поражение группировки Керзона в борьбе за власть и определение генерального направления внешней и колониальной политики.

«Уступчивость» Англии, как известно, определялась признанием перемен в мире, связанных с выдвижением Германии на роль опаснейшего соперника. Руководящие военно-политические круги Британии сочли тогда необходимым пойти на сговор с царизмом. Керзон же по-прежнему считал именно Россию главным соперником в Азии и во всем мире. Он содействовал срыву первых попыток англо-русского сближения в 1903 г.⁵⁶ Идея соглашения с Петербургом, твердил он, лишь «сентиментальная галлюцинация», которую, увы, нельзя выбросить из мыслей британцев⁵⁷. Начавшаяся в 1904 г. русско-японская война приободрила лидеров средневосточной группировки. Пора рвануться вперед! Можно полагать, что Керзон из-за позиций в Центральной Азии готов был начать в 1905 г. войну с Россией.

Государственное руководство Великобритании, исходя из интересов правящих кругов страны в целом и особенностей международного развития, сделало иной вывод. Ослабленная Россия должна стать партнером по обузданию Германии. Поэтому вопреки советам Керзона — по прислушиваясь к протестам России и мнению посла в Петербурге Гардинга! — Лондон пошел на дезавуирование Янгхэбенда, отказался от интервенции в Афганистан, а летом 1905 г. распорядился эвакуировать миссию Мак-Мэхона из Сеистана. Эти решения, как и последующее соглашение 1907 г. с Россией, вовсе не означали отказа от далеко идущей программы закабаления Среднего Востока — ее лишь частично урезали и отложили до «лучших времен». Но для Керзона это имело катастрофические последствия.

В 1905 г. советники английского премьер-министра все чаще подчеркивали, что политика Керзона несовместима с «альтернативным курсом» на соглашение с Россией. Бальфур суммировал эти мнения так: ошибочно «допустить вице-короля проводить свою внешнюю политику... независимо от внешней политики британского правительства». На сторону противников Керзона перекинулся его «закадычный друг» Бродрик, уже не довольствовавшийся вторыми ролями, и другие министры. В конечном счете сказалось и соперничество Керзона с Бальфуром. Судьба этих двух лидеров британского империализма переплелась на многие десятилетия. Чутьочку постарше, чутьочку познатнее, Бальфур, опираясь на могущественный клан Сесилей, сумел обогнать Керзона. Под маской скептика он таил ненасытную жажду власти... А ведь Керзон вырос в опасного соперника! Он позволял себе пренебрежительные замечания по адресу премьера, апеллировал к королю; он шантажировал отставкой! Что же, он ее получает!

Непосредственным мотивом отставки Керзона стал его конфликт с главнокомандующим вооруженными силами в Индии Китченером. Вице-король противился стремлению последнего «к абсолютной диктатуре в военных делах». А генерал вел подкоп, используя переписку с леди Кренборн, родственницей Бальфура. С весны 1905 г. Лондон безоговорочно поддерживает Китченера. 5 августа вице-король подал в отставку. Кабинет с облегчением принял ее. Даже Эдуард VII махнул рукой на своего протеже.

И вот настал грустный день «изгнания из рая». В ноябре 1905 г. Керзон навсегда покинул Индию и на долгие годы оказался исключенным из большой политики.

Окончание следует

⁵⁶ См. Г. Л. Бондаревский. Указ. соч., ч. IV, гл. 2.

⁵⁷ Curzon to Selborne, 21.V.1903. NAI, Curzon MSS.